

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 94–114
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 94–114
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-94–114

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ
КОНЦА V в. до н.э. III. ОЛИГАРХИ НАЧИНАЮТ И ПРОИГРЫВАЮТ...
САМИМ СЕБЕ (СОБЫТИЯ 411–410 гг. до н.э.)

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Данная работа продолжает цикл статей, посвященных антидемократическим переворотам в Афинах конца V в. до н.э. и их историческому значению. Рассматриваются следующие вопросы: основные свидетельства источников об олигархическом режиме 411 г. до н.э. и их сравнительная ценность; суть замыслов олигархов и место Алкивиада в них; легкость учреждения олигархии Четырехсот и легкость ее падения; динамика политической эволюции в переходный период (411–410 гг. до н.э.). Обращается внимание на отсутствие единства в среде противников радикальной демократии, фатально ослаблявшее их лагерь.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, Фукидид, Алкивиад

Переворот 411 г. до н.э. и установившийся в его результате олигархический режим Четырехсот неплохо освещены как в источниках, так и в специальной литературе; они исследовались даже в монографическом формате¹. Естественно, в рамках статьи все детали и нюансы этих событий не могут быть рассмотрены, и мы остановимся на отдельных аспектах происходившего тогда в Афинах и вокруг них (чрезвычайно важной была, в частности, позиция афинского флота на Самосе).

Прежде всего – несколько слов о сообщениях античных авторов по интересующей нас тематике. Из двух основных нарративов, повествующих о Пелопоннесской войне, – «Истории» Фукидида и «Исторической библиотеки» Диодора Сици-

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

¹ Heftner 2001.

лийского – второй применительно к этому ее периоду практически бесполезен². Диодор – автор очень неровный. Во-первых, качество его свидетельств в каждом конкретном случае определяется качеством использованных им источников, а в их подборе он был не слишком разборчив. Во-вторых, он часто еще и неудачно компилирует данные, почерпнутые им из трудов разных писателей, и в результате у него случаются редупликации. Одна из них имеет место как раз в связи с переворотом Четырехсот, о котором Диодор говорит дважды, как будто бы о двух разных фактах: вначале более кратко (Diod. XIII. 34. 2–3), второй раз – несколько подробнее (Diod. XIII. 36. 2–4), но и в этом случае не привносит ничего нового (кроме ошибок) к тому, что мы знаем из Фукидида.

Обратимся поэтому к последнему. В VIII книге «Истории» весьма много информации об олигархическом движении в Афинах в 413–411 гг. до н.э., но она дана не компактно, а разбросана отдельными пассажами по этой части его труда. В результате читателю трудно следить за тем, как развивались события, и всё представляется необыкновенно запутанным. Необходимо держать в памяти еще несколько значимых моментов. Во-первых, в это время Фукидид давно уже не жил на родине, а находился в изгнании. Стало быть, очевидцем переворота он быть не мог, а опирался на показания какого-то информатора. Был ли тот объективен – большой вопрос. Скажем прямо: в те годы свидетелям и участникам событий трудно, практически невозможно было сохранять объективность, настолько большого накала достигло кипение страстей.

Во-вторых, надлежит учитывать знаменитую иронию Фукидида, которая дает о себе знать и в его рассказе о победе олигархов. Ранее мы указывали на это в краткой форме³, а теперь позволим себе задержаться на вопросе несколько дольше. У Фукидида выделяют иронию вербальную и структурную⁴. Первую видят в повторении одной и той же лексической темы в радикально различающихся обстоятельствах, вторую же – в контрастных сопоставлениях ситуаций, вызывающих у читателя едва ли не противоположную реакцию. Например, за Надгробной речью, в которой дается идеальный образ благородных Афин, следует описание чумы, разгул которой сопровождался полной моральной деградацией жителей полиса; описание в высшей степени пышной отправки флота на Сицилию, когда среди граждан царил оптимизм относительно результатов экспедиции, не может не напомнить о катастрофическом провале всего предприятия.

На наш взгляд, несколько проявлений структурной иронии налицо в рассказе историка о перевороте Четырехсот. Фукидид пишет, что он «удался, хотя и не без труда (οὐκ ἀπεικότως καίπερ μέγα ὄν προυχώρησεν). Ведь нелегко было лишить свободы афинский народ (χαλεπὸν γὰρ ἦν τὸν Ἀθηναίων δῆμον... ἐλευθερίας παῦσαι), который уже около ста лет после низвержения тирании не только сам был свободен, но и привык свыше половины этого времени сам владеть над другими» (Thuc. VIII. 68. 4)⁵.

Однако сам рассказ автора о ходе переворота, в общем-то, опровергает этот априорный тезис. Сторонники олигархии созвали заседание экклесии и внесли

² Buck 1994, XV–XVI.

³ Surikov 2022, 55–56.

⁴ Greenwood 2015, 105.

⁵ Фукидид цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

предложения, совокупность которых вела к ликвидации демократического правления. «Как только народное собрание *без возражений* (курсив наш – И.С.) утвердило эти предложения, оно было распущено (ἡ ἐκκλησία οὐδενὸς ἀντειπόντος, ἀλλὰ κυρώσασα ταῦτα διελύθη)» (Thuc. VIII. 69. 1). Олигархи опасались сопротивления со стороны Совета Пятисот. Но, когда они явились в булевтерий, члены Совета безропотно разошлись (ἡ τε βουλή οὐδὲν ἀντειπούσα ὑπεξήλθε), не отказавшись, между прочим, получить не заработанное ими жалование за срок до конца года. «Остальные граждане также не оказывали сопротивления и хранили полное спокойствие (οἱ ἄλλοι πολῖται οὐδὲν ἐνεωτέριζον, ἀλλ' ἡσύχαζον)» (Thuc. VIII. 70. 1). Таким образом, ликвидировать демократию на деле оказалось очень даже нетрудно⁶.

Рассмотрим еще несколько релевантных пассажей. Об одном из лидеров Четырехсот – Писандре – Фукидид говорит, что он, «по-видимому, и раньше был рьяным и откровенным противником демократии (καὶ τᾶλλα ἐκ τοῦ προφανοῦς προθυμότεα ξυγκαταλύσας τὸν δῆμον)» (Thuc. VIII. 68. 1). В действительности же Писандр на тот момент являлся еще новичком в олигархическом лагере, а незадолго до того он входил в число наиболее радикальных демагогов. Оратор Андокид, рассказывая о судебных процессах 415 г. до н.э. (дело о повреждении герм и дело о профанации мистерий), так характеризует Писандра и Харикла (другого демагога, тоже потом перешедшего на сторону олигархов и в 404–403 гг. до н.э. бывшего одним из ближайших сподвижников Крития: «Писандр и Харикл, бывшие следователями и считавшиеся в то время людьми, в высшей степени преданными народу (δοκοῦντες δ' ἐν ἐκείνῳ τῷ χρόνῳ εὐνοῦστατοι εἶναι τῷ δήμῳ)...» (Andoc. I. 36)⁷.

Стремясь всячески продемонстрировать свою преданность демократии, Писандр в ходе следствия внес предложение об огромной (10 тысяч драхм) награде доносчикам (Andoc. I. 27), после чего доносы самого сомнительного свойства (как, например, заведомо лживый, сделанный в корыстных целях донос Диоклида, Andoc. I. 37–43) стали поступать в изобилии. А чуть позже тот же Писандр выступил с совершенно беспрецедентной инициативой – *пытать* (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (Andoc. I. 43). Всё это делалось под предлогом будто бы существующего антидемократического заговора (Thuc. VI. 27. 3; VI. 60. 1; VI. 61. 1; Andoc. I. 36), подозрения относительно которого Питер Родс справедливо называет безосновательными⁸.

Если параллельно читать Андокида и Фукидида, поневоле сложится впечатление, что перед нами два разных, даже полярно противоположных Писандра. Кстати, Фукидид вполне мог читать I речь Андокида или, скорее, даже лично слушать ее, произнесенную в 399 г. до н.э., незадолго до смерти историка, который как раз тогда работал над VIII книгой, которая осталась ввиду этой самой смерти незавершенной и не вполне обработанной. Можно предположить, что смысл иронии Фукидида (представить недавнего радикальнейшего демократа давним сторонником олигархии) заключается здесь в том, что он «между строк»

⁶ Taylor 2002.

⁷ Андокид цитируется в переводе Э.Д. Фролова. Возможно, в данном случае выражение оригинала лучше было бы передать через «в высшей степени преданными демократии». О том, что одним из главных значений употребленной здесь лексемы δῆμος является «демократия», см.: Hansen 2010, 502.

⁸ Rhodes 2015, 30.

предложил своей аудитории (разумеется, помнившей о позиции Писандра в 415 г. до н.э.) следующую идею: своим экстремистским поведением этот демагог тогда нанес демократии не меньший ущерб, чем любой олигарх. Так не был ли он уже тогда тайным противником демократического строя, намеренно компрометировавшим его?

Нам представляется, что структурную иронию можно также видеть в суждениях Фукидида по вопросу о том, имел ли режим Четырехсот репрессивный характер. Из одного места «Истории» вроде бы можно сделать вывод, что историк считал его таковым: «Некоторых из своих противников они (Четыреста – И.С.) предпочли устранить и казнили, других бросили в темницу, третьих, наконец, отправили в изгнание (καὶ ἄνδρας τέ τινας ἀπέκτειναν οὐ πολλούς, οἱ ἐδόκουν ἐπιτήδειοι εἶναι ὑπεξαίρεθῆναι, καὶ ἄλλους ἔδησαν, τοὺς δὲ καὶ μετεστήσαντο)» (Thuc. VIII. 70. 2). Следует оговорить, между прочим, что язык оригинала более мягок, чем о том можно вынести впечатление из перевода Г.А. Стратановского. Так, о казненных сказано, что их было немного (οὐ πολλούς), по отношению же к изгнанным употреблен глагол μεθίστημαι (буквально «переселять»), а не более сильный φυγαδεύω.

В дальнейшем, однако, мы узнаём из Фукидида, что репрессии Четырехсот были преувеличены одним из афинян, по имени Херей. Дело обстояло так: с Самоса, от флота, в Афины прибыл государственный корабль «Парал», причем его экипаж еще не знал о недавно свершившемся перевороте. По приказу правящей коллегии двое или трое моряков с «Парала» были арестованы, а остальные переведены на другое судно. Но один из них – тот самый Херей – скрылся и добрался до Самоса, где «сообщил войску новости из Афин, расписав события в преувеличенно мрачных красках (ἐπὶ τὸ μείζον πάντα δεινώσας): будто бы там подвергают граждан телесным наказаниям (πληγαῖς), никто не смеет сказать и слова против правительства; жен и детей насилуют (γυναικες καὶ παῖδες ὑβρίζονται), у властей будто бы есть план схватить и бросить в оковы всех родственников воинов на Самосе, не сочувствующих их партии, и казнить их, если воины откажут в подчинении. Ко всему этому Херей прибавил еще множество других выдумок (ἄλλα πολλὰ ἐπικαταψευδόμενος)» (Thuc. VIII. 74. 3).

Позже к флоту прибыли послы от Четырехсот и прилагали все усилия, чтобы развеять эти мрачные мифы о якобы творящихся беззакониях: «Родственники воинов и матросов вовсе не подвергаются насилиям (οὐθ' ὑβρίζονται), как об этом клеветнически сообщил Херей (ὥσπερ Χαίρεας διαβάλλων ἀπήγγειλεν), и им не причиняют никакого вреда: все они спокойно живут у себя дома, владея своим имуществом» (Thuc. VIII. 86. 3). Но ровно никакого успеха представители олигархов не имели: общественное мнение уже было соответствующим образом сформировано. «Воины, негодуя, больше не желали слушать (οὐδὲν μᾶλλον ἐσθήκουον, ἀλλ' ἐχαλέπαινον)» (Thuc. VIII. 86. 4). Кстати, когда Фукидид писал эти строки, афиняне уже пережили опыт по-настоящему репрессивного, даже кровавого режима (речь идет, разумеется, о Тридцати). На фоне учиненного им государственного террора не могли не померкнуть воспоминания о тех нескольких казнях, которые имели место при первой олигархии (а ведь, в конце концов, совсем без казней не обходился, наверное, ни один политический режим антично-го мира, даже самый гуманный).

А вот образчик вербальной иронии. Речь идет о команде уже упоминавшегося выше корабля «Парал». Она, по утверждению Фукидида, состояла «полностью из свободнорожденных афинян, которые всегда, даже до переворота, были противниками олигархии (ἄνδρας Ἀθηναίους τε καὶ ἐλευθέρους πάντας... καὶ αἰεὶ δὴποτε ὀλιγαρχία καὶ μὴ παρούση ἐπικεκμένους)» (Thuc. VIII. 73. 5). Интересное заключение можно из этого суждения сделать о тех лицах, которые являлись *сторонниками* олигархии. Получается, ее поддерживали какие-то несвободнорожденные, нечистокровные люди, то есть выходцы из низких социальных слоев? Это входит в полное противоречие со всегдашней практикой олигархов, которые как раз в таких людях видели своих противников и старались удалить их из гражданского коллектива.

Но достаточно о Фукидиде. Еще одним весьма важным источником о перевороте 411 г. до н.э. является, разумеется, «Афинская полития» Аристотеля. Ее открытие в конце XIX в. до н.э. дало немало ценных сведений (Arist. Ath. pol. 29–34), – прежде всего в связи с конституционным аспектом смены режимов, но и не только. В этом трактате мы, в частности, встречаем несколько имен деятелей переворота, которых не упоминает Фукидид, таких, как Мелобий (Arist. Ath. pol. 29. 1), Пифодор (Arist. Ath. pol. 29. 2), Клитонфонт (Arist. Ath. pol. 29. 3), Аристоммах (Arist. Ath. pol. 32. 1). Впрочем, в качестве главных организаторов ликвидации демократии в «Афинской политии» фигурируют в основном те же политики, что и у Фукидида: Писандр, Антифонт и Ферамен (Arist. Ath. pol. 32. 2); Фукидид называет еще Фриниха (Thuc. VIII. 68. 3). В целом мы сказали бы, что свидетельства Фукидида и Аристотеля удачно дополняют друг друга.

Данные об олигархии Четырехсот можно найти также у некоторых ораторов. Больше всего таких данных содержалось, безусловно, у Антифонта, который сам был одним из лидеров олигархического режима. Но, к огромному сожалению, все сохранившиеся речи Антифонта были написаны раньше 411 г. до н.э. и по определению не могут содержать никакой информации о событиях этого года. Целиком им была посвящена самая знаменитая речь этого оратора – «О перевороте»⁹ (Фукидид считает ее вообще «лучшей из всех вплоть до нашего времени», Thuc. VIII. 68. 2), произнесенная после свержения Четырехсот, когда Антифонт предстал перед судом и защищался. Но, опять же к огромному сожалению, эта речь не сохранилась; в нашем распоряжении имеются только несколько фрагментов из нее, к тому же почти все они не слишком содержательны. Большей информативностью по сравнению с остальными отличается следующий фрагмент, открытый на папирусе (Antiph. fr. 1a Blass – Thalheim, в квадратных скобках – конъектуры издателей):

«[Что же, я был избран] исполнять государственную должность, распоряжался большими деньгами, и мне предстоял отчет, которого я боялся? Или я был лишен гражданских прав? Или сделал вам что-нибудь дурное? Или боялся грозящего мне суда? Отнюдь нет, поскольку ничего подобного со мной не было. А, может быть, вы отобрали у меня деньги? А, может быть, мои предки сделали что-то дурное, [и вы за это меня наказали?.. А многие для того] стремятся к свержению существующего государственного устройства и установлению какого-то иного, чтобы или за свои преступления ответ не держать, или за то, что сами претерпели, отомстить и притом никак не пострадать. Но и это всё ко мне не имело никакого отношения. Однако вот, обвинители говорят, что я и судебные речи составлял для других, и прибыль от того полу-

⁹ О ней см.: Gagarin 2002, 161–164.

чал¹⁰. Так ведь при олигархии-то я бы так делать не мог! При [нашей] же демократии именно я – власть имущий, поскольку [владею] искусством слова. При олигархии я не мог рассчитывать ни на что достойное, а при демократии – на многое. Ну так пристало ли мне стремиться к олигархии? Что же, я, по-вашему, не способен это всё продумать, или я – единственный из афинян – не знаю, что для меня полезно?».

Антифонт не мог не понимать, что защищаться ему будет чрезвычайно трудно (и он действительно был приговорен к смерти¹¹), поскольку всем известный факт его активнейшего участия в организации олигархического переворота отрицать было никак нельзя. Тем не менее, как видим, он все-таки старается объяснить и оправдать свою позицию. Во фрагменте оратор, используя аргумент «от правдоподобного и неправдоподобного», демонстрирует, что у него не было никаких причин присоединяться к антидемократическому движению: демократия ничего дурного ему не сделала, более того, при этой политической системе у него, ввиду его риторической образованности, было больше возможностей процветать, чем при олигархии.

Дальше, как мы полагаем, следовал вот какой ход мысли: чтобы человеку, которого демократия вполне устраивала, войти в число заговорщиков против нее, нужны были какие-то особо веские причины. И такие причины были: государство оказалось на пороге гибели, для его спасения требовались экстренные меры. Именно такой экстренной мерой, причем сугубо временной, и стало введение режима Четырехсот.

Из ораторов современниками событий, о которых здесь идет речь, являются также Андокид и Лисий. У них, однако, мы мало что можем найти о перевороте 411 г. до н.э., поскольку основная тематика их речей совсем иная. Мы бы всё же привлекли внимание читателей к одному, как представляется, немаловажному (и притом малоизвестному) свидетельству, которое некоторые нюансы освещает в новом ракурсе. В корпусе Лисия есть речь XX «В защиту Полистрата». Ее обычно помещают в число *surviva*, поскольку, исходя из содержания, она произносится в первой половине 410-х гг. до н.э. (еще идет Пелопоннесская война), а начало ораторской деятельности Лисия, как правило, относят ко времени после 403 г. до н.э.¹² А к поддельному тексту и отношение бывает пренебрежительным, однако в данном случае пренебрежение вряд ли основательно. Во-первых, нельзя все-таки совершенно исключать авторство Лисия. Последний занимался написанием речей еще заведомо до окончания войны. Достаточно напомнить, что вся сюжетная линия «Федра» Платона завязана вокруг Лисиевой речи¹³, а действие этого диалога мыслится происходящим на хронологическом отрезке 418–416 гг. до н.э.¹⁴ Во-вторых, даже если автор – не Лисий, это, в сущности, не имеет принципиального значения; главное в том, что достаточно точно определяется время создания речи. Кто бы ее ни составил, в ней отразились реалии эпохи, совсем недалеко отстоящей от переворота 411 г. до н.э.

Полистрат, клиент логографа, коллегией Четырехсот был назначен на должность составителя (*καταλογεύς*) списка пяти тысяч лиц, которые должны были

¹⁰ Имеется в виду занятие Антифонта ремеслом логографа.

¹¹ Ferguson 1932.

¹² Kennedy 2003, 506; Montanari 2022, 602.

¹³ Usher 2007, 28–29.

¹⁴ Nails 2002, 314.

остаться полноправными гражданами полиса. И вот теперь, чтобы доказать, что он тогда проявил себя как хороший, а не дурной человек, его сын (защитительную речь говорит он, — видимо, из-за преклонного возраста отца) указывает: «Кто же может быть в большей степени другом народа, как не тот, кто, несмотря на ваше постановление передать правление пяти тысячам граждан, тем не менее, занимая должность составителя списков, внес в списки девять тысяч человек (ὅμῶν ψηφισαμένων πεντακισχιλίοις παραδοῦναι τὰ πράγματα καταλογεὺς ὢν ἑνακισχιλίους κατέλεξεν), чтобы никто из бедных граждан не относился к нему враждебно, но чтобы ему можно было вносить всех, кто захочет, а кому нельзя, тем доставить удовольствие. Однако демократию уничтожает не тот, кто увеличивает число граждан, а тот, кто уменьшает» (Lys. XX. 13)¹⁵.

Возможно, здесь и есть некая доля хвастливого преувеличения, однако вряд ли говоривший прибегнул бы к прямой и грубой лжи, которая немедленно была бы избличена присутствующими. Но если καταλογεὺς (или, скорее, καταλογεῖς — надо полагать, что Полистрат исполнял свои обязанности не в одиночку, а в составе специально созданной комиссии), составляя список, вносил в него большее количество лиц, чем запланированные пять тысяч, а всесильная коллегия Четырехсот никак ему в этом не препятствовала, — стало быть, задачи препятствовать и не ставилось.

Рассмотренное нами свидетельство важно тем, что в его свете можно посмотреть на одно серьезное разногласие, существующее между Фукидидом и Аристотелем. Приведем соответствующие пассажи. «Заговорщики внесли в народное собрание предложение, чтобы... в государственных делах участвовало не более пяти тысяч граждан, именно тех, кто лучше всего может служить городу в силу своих личных качеств или своим имуществом (οὐτε μεθεκτέον τῶν πραγμάτων πλέοσιν ἢ πεντακισχιλίοις, καὶ τοῦτοι οἱ ἂν μάλιστα τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν ὠφελεῖν οἰοί τε ὦσιν)» (Thuc. VIII. 65. 3). «Всё вообще политическое управление поручается тем из афинян, кто оказывается наиболее способным служить государству как лично, так и материально, в количестве не менее пяти тысяч человек (Ἀθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητοῦργεῖν, μὴ ἔλαττον ἢ πεντακισχιλίοις)» (Arist. Ath. pol. 29. 5)¹⁶.

Итак, у Фукидида утверждается, что, согласно предложению олигархов, полноправных граждан должно было быть *не более* пяти тысяч, а в «Афинской политике», — наоборот, что *не менее* пяти тысяч. Какому из двух авторов отдать предпочтение? На первый взгляд, такового заслуживает Фукидид как современник событий. Однако выше уже говорилось, что он не был свидетелем переворота, а сведения о нем получил от тенденциозного информатора, преувеличившего жестокий, насильственный характер режима Четырехсот. Аристотель же опирался на литературу, созданную в Афинах непосредственно в период переворотов¹⁷. А теперь вот мы видим, что сообщение Лисия куда больше соответствует той трактовке рассматриваемой меры, которая содержится в «Афинской политике», а не у Фукидида. Опять же получается, что режим Четырехсот был мягче, чем о нем обычно думают.

* * *

¹⁵ Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

¹⁶ «Афинская политика» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.

¹⁷ Rhodes 1985, 368.

Фукидид придает значительную роль в установлении олигархии Алкивиаду (хотя он при Четырехстах был в Афинах отнюдь не в фаворе), в то время Аристотель даже не упоминает его в связи с этими событиями. У него просто сказано: «Пока в военных действиях не было перевеса ни на той, ни на другой стороне, афиняне сохраняли свой демократический строй (διεφύλαττον τὴν δημοκρατίαν). Но когда после несчастья, случившегося в Сицилии, на стороне лаккедемонян получилось преимущество благодаря союзу с царем, афиняне вынуждены были отменить демократию и установить государственный строй под главенством Четырехсот (ἤναγκάσθησαν κινήσαντες τὴν δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν ἐπὶ τῶν τετρακοσίων πολιτείαν)» (Arist. Ath. pol. 29. 1). Таким образом, о причинах личного характера в «Афинской политике» речь вообще не идет. Указывается прежде всего на то, что демократия утратила популярность тогда, когда перестала быть эффективной (что выразилось в военных поражениях); этот фактор отмечали и мы в первой статье данного цикла.

У Фукидида же именно Алкивиад в 412 г. до н.э. оказывается первым, кто поднимает вопрос о смене режима: находясь в тот момент при сатрапе Тиссаферне, он связывается с лидерами флота на Самосе, чтобы «дать им понять, что он готов вернуться на родину... и вместе с ними управлять государством на основе олигархии, а не охлократии¹⁸, которая его изгнала (ἐπ' ὀλιγαρχία... καὶ οὐ πονηρία οὐδὲ δημοκρατία τῇ αὐτὸν ἐκβαλοῦση)» (Thuc. VIII. 47. 2). Однако тут же историк оговаривает, что предложение Алкивиада, подобно семени, упало на уже подготовленную почву: «Вместе с тем и независимо от Алкивиада триерархи и наиболее влиятельные афиняне у Самоса стремились ниспровергнуть демократию. Антидемократическое брожение началось первоначально в войске под Самосом и лишь позднее оттуда перекинулось в город (Thuc. VIII. 47. 2 – 48. 1).

Итак, парадоксальным образом источником олигархических настроений Фукидид называет флот на самосской базе – тот самый флот, который впоследствии настолько решительно противостоял олигархии, что даже, по сути, провозгласил себя независимым полисом, отделившись от Афин (точнее, признав именно себя Афинами). На конкретные имена участников движения историк в этом месте своего труда скуп. Из таких имен появляются только два: Фриних и Писандр. Оба принадлежат лицам, которые позже входили в самую верхушку Четырехсот и действовали рука об руку; но пока, в самом начале процесса смены режима, эти двое в изображении Фукидида оказываются друг другу противниками.

Фриних решительно возражает против инициативы Алкивиада, приводя следующие аргументы (Thuc. VIII. 48. 4–7): 1) Сам Алкивиад движим отнюдь не идейными, а личными побуждениями (своим желанием возвратиться в Афины из изгнания). 2) Совершенно не факт, что установление олигархии побудит персидского царя принять сторону Афин, спартанцы все равно останутся ему намного ближе. 3) Беспочвенны и надежды на то, что после ликвидации демократии отпавшие союзники вернутся в афинский лагерь: уже вкусив свободы, они не захотят вновь владеть ярмом зависимости, к тому же олигархические Афины для них опаснее, чем демократические, поскольку в меньшей степени будут считаться с тре-

¹⁸ Г.А. Стратановский допускает в переводе анахронизм. Лексема «охлократия» еще не употреблялась во времена Пелопоннесской войны. Мы не встретим ее и у Аристотеля. См. в скобках формулировку оригинала.

бованиями законности. Фриних со своей точкой зрения, однако, в меньшинстве, и участники заговора (ξυνωμοσία) решают «отправить в Афины послами Писандра и других хлопотать о возвращении Алкивиада, уничтожить демократию (ἐς τὰς Ἀθήνας πρέσβεις Πείσανδρον καὶ ἄλλους... πέμπειν, ὅπως περὶ τε τῆς τοῦ Ἀλκιβιάδου καθόδου πράσσοιεν καὶ τῆς τοῦ ἐκεῖ δήμου καταλύσεως)...» (Thuc. VIII. 49). Таким образом, Писандр (коль скоро он согласился принять участие в посольстве) был тогда среди тех, кто поддерживал план Алкивиада.

Итак, на этой стадии пока еще вопрос об олигархии и вопрос об Алкивиаде предстают тесно связанными один с другим. Далее Фукидид сообщает об интригах Фриниха против Алкивиада, которые несколько подорвали репутацию последнего в глазах моряков (Thuc. VIII. 50–51), и переходит к миссии Писандра в Афинах. Этот политик вел активную агитацию в пользу того, чтобы в порядке своеобразного эксперимента отказаться от радикальной демократии. В качестве веского довода он приводил следующее соображение: если новая форма правления не понравится афинянам, ее ведь можно будет потом и вновь изменить (ὑστερον γὰρ ἐξέσται ἡμῖν καὶ μεταθέσθαι, ἢν μὴ τι ἀρέσκη, Thuc. VIII. 53. 3), то есть вернуться к демократическому строю. И, как мантру, повторял Писандр: если не изменить форму правления – на сторону афинян не перейдет Алкивиад, «который один из всех людей (μόνος τῶν νῦν) только и может сделать то, что ныне необходимо» (Thuc. VIII. 53. 3).

Если верить Фукидиду, именно этот момент стал ключевым в подготовке переворота, когда его успех был предрешен. «Раздраженный народ (ὁ δὲ δῆμος) вначале, однако, и слышать не хотел об олигархии. Когда же Писандр дал ясно понять, что нет другого пути спасения, то народ уступил (ἐνέδωκεν), и уstraшенный и вместе с тем обнадеженный возможностью будущих перемен» (Thuc. VIII. 54. 1). Обратим здесь внимание на то, что речь здесь идет именно о народе, о демосе. Судя по всему, вопрос обсуждался на заседании экклесии. Это вытекает и из того, что тогда же (ἄμα) было принято решение сместить Фриниха с поста стратега (Thuc. VIII. 54. 3); такое постановление могло быть принято *только* народным собранием. За отстранение Фриниха активно ратовал Писандр, то есть, как видим, пока оставался его противником.

Итак, демос уже тогда (шел еще 412 г. до н.э.) принял предварительное решение об установлении олигархического строя. Интересно, что в следующем году, когда это решение было реализовано (знаменитое народное собрание в Колоне), имя Алкивиада уже не звучало ни в какой связи, олигархи перестали добиваться восстановления его в правах. Нечто изменилось на протекшем хронологическом отрезке. Но что именно? Фукидид говорит об этом так: «...Афинские заговорщики на Самосе, договорившись между собой, решили оставить Алкивиада в стороне, так как тот не желал присоединиться к ним, да и вообще был не из числа людей, подходящих для олигархии (οἱ ἐν τῇ Σάμῳ τῶν Ἀθηναίων κοινολογούμενοι ἐσκέψαντο Ἀλκιβιάδην μὲν, ἐπειδήπερ οὐ βούλεται, ἔαν' καὶ γὰρ οὐκ ἐπιτήδειον αὐτὸν εἶναι ἐς ὀλιγαρχίαν ἐλθεῖν)» (Thuc. VIII. 63. 4).

Получается, Алкивиад, на которого еще столь недавно уповали олигархи, теперь был признан ими неподходящим для олигархии. Вопрос о политической позиции этого лидера, вообще говоря, весьма непрост. Демократом его трудно назвать: хотя он нередко действовал в качестве такового, но всегда принадлежал не

к убежденным сторонникам демократии, а скорее к их «попутчикам». Достаточно вспомнить его известные слова о Перикле: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» (Plut. Alc. 7). А ведь отчетность была одним из краеугольных камней демократического афинского полиса. Но приходится признать, что Алкивиад со своей харизмой точно так же плохо вписывался и в олигархическую модель, и сторонники последней имели резон отказаться от его услуг. Иная модель была ближе людям такого склада, как он, – модель тираническая. Во всяком случае, так считали афиняне. Алкивиада упорно подозревали в стремлении стать тираном. Р. Сигер в свое время посвятил этому вопросу специальную статью, в которой, тщательно проанализировав источники, пришел к выводу: нет ни малейшего намека на то, что он в своей жизни совершил хоть какое-то действие, могущее быть трактованным как попытка установить тиранию¹⁹, – даже тогда, когда имел все возможности для таких действий.

Примерно в то же время, что Алкивиад в Афинах, в Сиракузах возвысился Дионисий Старший. До поры до времени карьера этих двух политиков складывалась в определенном отношении схожим образом. В частности, оба были в обстановке тяжелейшего положения на фронтах избраны стратегами-автократорами, – иными словами, получили единоличное верховное командование всеми вооруженными силами полиса. Но как разительно различаются линии их поведения после этого! Дионисий тут же развил бешеную активность и с помощью ряда хитроумных ходов (включавших инсценировку покушения на самого себя) в том же году захватил тираническую власть²⁰. Алкивиад же остался вполне законопослушным и, когда он уже вскоре был лишен своей должности, не предпринял ни малейшей попытки удержать ее в своих руках.

Но вернемся к событиям 412–411 гг. до н.э. Как нам представляется, именно решение снять вопрос об Алкивиаде позволило олигархам достичь консенсуса, ранее отсутствовавшего. Как мы видели, в этом вопросе противостояли мнения Фриниха и Писандра и из-за этого серьезно враждовали. Что делал Фриних после того, как перестал быть стратегом? Мы не знаем. У Фукидида после сообщения о его отстранении (Thuc. VIII. 54. 3) он как бы выпадает из нарратива и появляется вновь лишь в рассказе о самом перевороте, в ходе которого Фриних «выказал величайшее рвение (*παρέσχε... ἑαυτὸν πάντων διαφερόντως προθυμότητον*)» (Thuc. VIII. 68. 3).

Итак, где же был Фриних в промежутке? По существовавшим нормам он должен был тут же явиться на родину для сдачи отчета. Но так бывало в спокойной обстановке, а в Афинах в тот момент царила атмосфера полнейшей неразберихи (см. эмоциональное описание: Thuc. VIII. 66). Вполне можно допустить, что Фриних, пользуясь всеобщим смятением, не поехал домой. Или, по крайней мере, поехал не сразу, а какое-то время оставался на Самосе и продолжал принимать участие в совещаниях олигархов. Результатом этих совещаний, как было сказано выше, явилось исключение «темы Алкивиада». Фриниха это более чем устраивало, а Писандра, который ранее эту тему, наоборот, активно развивал, видимо,

¹⁹ Seager 1967, 15.

²⁰ И поныне сохраняет свое значение тщательный анализ процесса его прихода к власти, проделанный в: Frolov 2001, 346 ff. (в цитируемую книгу целиком вошло известное исследование Э.Д. Фролова о Дионисии).

удалось убедить в том, что важен не столь Алкивиад, сколь смена режима. Не исключаем, что для примирения Писандра и Фриниха поработал Антифонт – этот воистину «мозговой центр» заговора (Thuc. VIII. 68. 1).

Итак, разногласия и даже какой-то «раздрай» с самого начала подготовки переворота пронизывали олигархическое движение, его участники лишь с трудом находили общий язык между собой. И тем не менее, как отмечалось выше, им без особенного труда удалось свершить задуманное. Из Фукидида следует, напомним, что принципиально ликвидация демократического устройства была решена народом еще в ходе первого визита Писандра в Афины. Теперь предстояло реализовать это на деле, что и было осуществлено, когда Писандр прибыл туда вторично, на собрании в Колоне. На нем первым делом было внесено предложение отменить *γραφὴ παρανόμων* (Thuc. VIII. 67. 2) – тип судебного иска против политиков, вносящих противоречащие законам предложения²¹, один из «краеугольных камней» классической демократии. Когда это было сделано, перешли к существу вопроса: смена режима выразилась в двух мерах – ограничении коллектива полноправных граждан до пяти тысяч человек и создании наделенной автократорскими (то есть неограниченными) полномочиями коллегии Четырехсот, которая должна была составить список нового гражданского коллектива.

Из каких принципов исходили при его формировании? Выше приводились относящиеся к этому пассажи Фукидида и Аристотеля, но тогда мы остановились на разногласии между ними (не больше или не меньше пяти тысяч граждан должно было быть теперь в Афинах?), но не менее важным представляется нам то общее, что имеют между собой оба свидетельства. А общим является то, какие требования предъявлялись гражданам, и здесь доходит даже до предельного лексического сходства (Фукидид – *τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν*, Аристотель – *καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν*).

В обоих случаях речь идет о том, что граждане должны быть полезны государству. Именно поэтому они и должны иметь определенное состояние – не ради богатства как такового, не потому, что оно само по себе превращает то или иное лицо в человека какого-то особого, более высокого сорта, а потому, что человек не бедный и должности сможет исполнять, не требуя жалованья (вопрос об отмене оплаты службы должностных лиц был одним из самых насущных во время переворота 411 г. до н.э.), и, с другой стороны, сам в трудную годину будет, наоборот, помогать полису денежными взносами, добросовестным исполнением литургий и пр.

Здесь мы коснемся одного терминологического вопроса, рассмотренного М. Оствальдом в монографии об олигархии как конституционной форме в античной Греции²². Как справедливо замечает исследователь, об этом типе государственного устройства (и как о теоретическом понятии, и как об исторической реальности) больше, чем любой другой античный автор, сообщает нам Аристотель

²¹ Наиболее подробно об этой юридической категории см.: Hansen 1974.

²² Ostwald 2000. Теоретический анализ понятия, предпринятый Оствальдом, и поныне остается лучшим из существующих. В более новых монографиях об олигархических режимах в античной Греции (Shear 2011; Simonton 2017) этот круг вопросов почти не рассматриваются, поскольку указанные работы посвящены преимущественно перипетиям практической политики, а не политической теории.

в «Политике»²³. Оствальд указывает²⁴, что в этом трактате при сравнительном анализе олигархии и демократии встречаются две пары противопоставленных лексем: πλούσιος – πένης и εὖπορος – ἄπορος. По замечанию ученого, в данном случае нельзя говорить о полной синонимии, хотя по большей части переводчики и комментаторы пренебрегают различием²⁵. Что касается первой пары («богатый» – «бедный») – с ней всё ясно: она взята из повседневного речевого обихода. Вторая сложнее; тщательно разобрав все ее нюансы, Оствальд приходит к выводу: «Вкратце говоря, корни εὖπορ- и ἄπορ-, особенно тогда, когда за ними следует слово в родительном падеже, указывают на наличие или отсутствие факторов, требуемых для выполнения данной функции. В большинстве случаев родительный падеж относится к таким материальным ресурсам, как деньги, доходы, монета и заработок, но им могут описываться вещи, необходимые для жизни, достаточный урожай или достаточное же количество населения. Обладание этими условиями ни в коем случае еще не делает автоматически человека или государство богатым (πλούσιος)»²⁶.

Подчеркнем эту коннотацию термина εὖπορος («состоятельный») с необходимостью выполнения определенных функций; как нам представляется, она позволяет уяснить кое-что в функционировании если не любой древнегреческой олигархии, то, во всяком случае, конкретного олигархического режима 411 г. до н.э. Для М. Оствальда εὖπορος – тот, кто имеет достаточные средства (подразумеваются средства прежде всего материальные) для выполнения определенной функции. В данном случае это функция полноценного служения государству, которое только и делает человека достойным гражданином, бедняк же такими средствами не располагает, потому и должен быть ущемлен в правах. По сути дела, афинские олигархи в Колоне говорили именно об этом.

Мы не знаем в точности, насколько последовательно этот принцип (в основе своей вполне рациональный и конструктивный) проводился при формировании списка Пяти тысяч в 411 г. до н.э. (за то немногое время, которое было судьбой на это отпущено). Сам список, естественно, не сохранился. Но вот что показательно. Когда Четыреста были низложены и власть в свои руки реально взяли эти самые Пять тысяч (на самом деле их, как мы видели из Лисия, было больше и они достаточно репрезентативно представляли афинское гражданство, тем более что бедняки-феты в массе своей тогда в Афинах отсутствовали, находясь в качестве гребцов при флоте на Самосе), их правление, хотя и краткое, произвело большое, причем весьма позитивное впечатление на греческую политическую мысль²⁷. Оно удостоилось небывало высоких похвал со стороны как Фукидида (Thuc. VIII. 97. 2), так и Аристотеля (Arist. Ath. pol. 33. 2), рассматривалось как едва ли не первый реализованный на деле образчик «смешанного государственного устройства»²⁸.

²³ Ostwald 2000, 12.

²⁴ Ostwald 2000, 44–56.

²⁵ Отметим, впрочем, что С.А. Жебелев, переведивший у нас «Политику» (в дальнейшем она будет цитироваться, естественно, именно в его переводе), проводил это различие довольно последовательно, передавая πλούσιοι через «богатые», εὖποροι через «состоятельные».

²⁶ Ostwald 2000, 56.

²⁷ Lintott 2000, 165.

²⁸ Об идее такого устройства и ее отражении у эллинических мыслителей см. Lintott 2000; Hahn 2009; Saldutti 2022.

Уже Фукидид, современник событий, именно так его и характеризует: «...это было благоразумное смешение олигархии и демократии (μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο)» (Thuc. VIII. 97. 2).

Именно в этот период всерьез ставится вопрос о необходимости соблюдения законности в политической жизни, начинается известная афинская законодательная реформа, шедшая затем на протяжении целого десятилетия²⁹. Инициатором запущенного процесса, несомненно, выступил тот человек, который стал и творцом самого режима Пяти тысяч, — Ферамен, этот воистину фанатик закона. Данному политику, получившему крайне неоднозначную оценку в традиции, в «Афинской политике» Аристотеля посвящен настоящий энкомий. Притом, как указывается в литературе³⁰, Ферамен мил мыслителю не чем иным, как тем, что для него высшей ценностью была законность (Arist. Ath. pol. 28. 5: «...он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а наоборот, направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность (ἀλλὰ πάσας προάγειν ἕως μηδὲν παρανομοῖεν)»). Было ли вообще правление Пяти тысяч олигархией? В литературе высказывалась мысль, что это устройство, пожалуй, больше напоминает умеренную демократию³¹. Во всяком случае, власть взяли в свои руки действительно ответственные люди³².

Коснемся, для контраста, того, как действовали лидеры олигархии 403 г. до н.э. Они при составлении списка трех тысяч граждан явно руководствовались не такого рода высокими мотивами, а вполне циничными политико-идеологическими соображениями: за единственный критерий включения в него принималась потенциальная лояльность режиму. Гражданами делали либо открытых его сторонников, либо тех, от кого, по крайней мере, не приходилось ожидать сопротивления. Потому в их число не попал богач Фрасибул, чья стойкая приверженность демократическим принципам была давно известна (он доказал ее на деле, возглавив те силы во флоте, которые не признали переворот Четырехсот), но вошел Сократ. Про последнего знали, что он — учитель Крития и жесткий критик демократии³³, а

²⁹ Начало этой реформы, имевшей чрезвычайно большое значение для дальнейшей эволюции афинской демократии (представлявшей собой переход от «власти народа» к «власти закона»), как правило, связывают с полным восстановлением демократического устройства в 410 г. до н.э. Однако М. Финли справедливо подчеркнул, что в действительности процесс начался чуть раньше — именно тогда, когда у власти находились Пять тысяч (Finley 1971, 10).

³⁰ Например: Frank, Monoson 2009, 255.

³¹ Marcaccini 2013.

³² Ср. концепцию, изложенную в Strauss 1993: период 450–413 гг. до н.э. характеризуется преобладанием в политической жизни молодежи («час сына»), получившей софистическую выучку (знаковая фигура эпохи — Алкивиад), лица старших поколений несколько отодвинуты на второй план. Период после 413 г. до н.э. этот ученый обозначает как «возвращение отца». Иными словами, отгесненные пожилые вновь принимают на себя ответственность за судьбы государства.

³³ Оппозиционность Сократа по отношению к античной демократии в современной литературе часто пытаются затушевать, пишут, что он в целом был доброжелательно расположен к этому строю и лишь подвергал дружеской «критике изнутри» отдельные его черты. Такой точки зрения, в частности, придерживался Г. Властос — автор одной из лучших книг об этом философе (Vlastos 1991, 48–49). Справедливо указывает на уязвимость такой позиции Р. Уотерфилд в чрезвычайно ценной статье о суде над Сократом (Waterfield 2012, 293), констатируя, что последний, напротив, жестко критиковал фундаментальные принципы античной прямой демократии, такие, как широкое применение жребия. Совсем недавно появилась монография (Malkin, Blok 2024), в которой более детально, чем когда-либо ранее, проанализировано применение жеребьевки в античной Греции и показано, насколько глубоко идея жребия пронизывала все ее общество. Идея эта исходит из представления о

того, что он и по отношению к новой власти займет столь же нонконформистскую позицию, заранее, естественно, никто предсказать не мог.

Вернемся к установлению олигархии 411 г. до н.э. Как нам представляется, основными причинами того, что переворот не встретил особо серьезных препятствий, являлись следующие. Во-первых, (тут мы не скажем ничего нового) демократия, переродившаяся в «эру демагогов», действительно скомпрометировала себя; ее свержение было обусловлено реально созревшими внутренними причинами³⁴. Во-вторых, следует помнить о том, что в рассматриваемый момент афинский флот отсутствовал на родине, находясь на Самосе, а самых стойких и убежденных демократов (таких, как Фрасибул, Фрасилл и им подобных), которые, возможно, и не позволили бы свершиться смене режима, можно было встретить именно среди моряков.

Это тоже хорошо известно и неоднократно отмечалось. Зато меньше уделялось внимание еще одному фактору, который мы обозначили бы как «тень Алкивиада». В 412 г. до н.э. Писандр, ведя в афинской эkkлeсии агитацию в пользу олигархии, подчеркивал, что в демократические Афины Алкивиад не вернется, и это соображение сыграло едва ли не решающую роль для «поворота в умах». Позже, как мы отмечали, олигархи устранили Алкивиада из своих планов, но это их решение было принято кулуарно. Несомненно, масса граждан не была о нем оповещена. Кстати, чуть позже выяснилось, что сама исходная посылка Писандра была ошибочной: Алкивиад оказался вполне в состоянии ужиться с демократией и несколько лет верно служил ей (служил бы и дольше, если бы она не подвергла его очередной опале).

* * *

Перейдем теперь к вопросу о том, почему режим Четырехсот, который, казалось бы, имел перспективы, оказался таким недолговечным и просуществовал лишь несколько месяцев. Здесь опять же в совокупности и во взаимной связи действовало несколько факторов. Во-первых, флот не принял переворота; моряки постоянно порывались плыть на Афины, дабы восстановить демократию, и немало усилий приложили их вожди для того, чтобы убедить их в том, что продолжение военных действий против спартанцев – задача более приоритетная (Thuc. VIII. 75. 1; 82. 1–2). Во-вторых, именно на стороне «второго афинского полиса на Самосе» оказался Алкивиад, популярность которого росла.

В-третьих, и после переворота ситуация на фронтах не улучшилась и даже не стабилизировалась, поражения продолжались: уже при новом режиме было проиграно морское сражение при Эретрии (Thuc. VIII. 95. 5), и вследствие этого из Архэ вышла Эвбея, ранее сохранявшая лояльность Афинам. Это была по-настоящему болезненная потеря: по суждению Аристотеля, «афиняне были удручены этим несчастьем более, чем всеми прежними: надо иметь в виду, что в это

том, что все граждане равны, что каждый из них в той же мере, как и любой другой, может управлять государством. Иными словами, речь идет о подчеркнуто эгалитарной установке. Сократ принять ее не мог, поскольку выступал за то, что власть должна принадлежать специалистам.

³⁴ А не внешними, как антидемократические перевороты конца IV в. до н.э., ставшие следствием македонского диктата (различие прослежено в: Lehmann 1995).

время с Эвбеи они получали больше доходов, чем из Аттики» (πλείω γὰρ ἐκ τῆς Εὐβοίας ἢ τῆς Ἀττικῆς ἐτύγχανον ὠφελοῦμενοι, *Arist. Ath. pol.* 33. 1). Фукидид, рассказывая о тех же событиях, берет даже еще более трагическую ноту: «... Там (в Афинах – И.С.) началось сильнейшее смятение, какого никогда прежде не бывало. Ни сицилийская катастрофа (сколь ужасной она ни казалась), ни другое несчастье так не устрасило афинян... Новое страшное несчастье повлекло за собой не только потерю флота, но (что было страшнее всего) также и Эвбеи, от которой зависело снабжение Афин в большей степени, чем от Аттики (καὶ τὸ μέγιστον Εὐβοίαν ἀπωλλέκεσαν, ἐξ ἧς πλείω ἢ τῆς Ἀττικῆς ὠφελοῦντο)» (Thuc. VIII. 96. 1–2)³⁵.

Но, пожалуй, главной причиной непрочности «первой олигархии» стал конфликт, очень быстро развернувшийся внутри правящей коллегии. Это было противостояние между умеренным и крайним ее крыльями. В качестве лидеров первого Фукидид называет Ферамена и Аристократа (Thuc. VIII. 89. 2). Ферамен – фигура, можно сказать, знаменитая, и вряд ли имеет смысл здесь подробно о нем говорить (тем более что в свое время нами была рассмотрена его биография³⁶). Второе же упомянутое здесь лицо куда менее известно. Вот краткая просопографическая информация об этом человеке (о политических взглядах семьи, из которой он происходил, достаточное понятие дает имя, данное ему при рождении³⁷).

Аристократ, сын Скеллия, в 421 г. до н.э. входил в число афинских послов, которые в Спарте подписывали Никиев мир (Thuc. V. 19), а вскоре после этого – договор о союзе между афинянами и спартанцами (Thuc. V. 24). В 413/412 г. до н.э. он был стратегом (Thuc. VIII. 9. 2), действовал на Хиосе. В 411 г. до н.э. он вошел в состав коллегии Четырехсот, но затем сам же активно участвовал (вместе с Фераменом) в ее свержении (Thuc. VIII. 89. 2; VIII. 92. 2–4). Соответственно, после восстановления демократии Аристократ не утратил доверия народа, и в 410/409 г. до н.э. мы вновь встречаем его на посту стратега (зафиксировано эпиграфическим источником: IG. I³. 375. 35). Когда в 407/406 г. до н.э. Алкивиада сделали стратегом-автократором, в дополнение к нему было избрано несколько ординарных стратегов, и Аристократ был одним из них (Xen. Hell. I. 4. 21). Согласно Диодору, этих стратегов рекомендовал лично Алкивиад (Diod. XIII. 69. 3), из чего можно заключить, что Аристократ находился с ним в дружественных отношениях. Наконец, Аристократ был стратегом и в 406/405 г. до н.э. (Xen. Hell. I. 5. 16), – иными словами, входил в состав той знаменитой коллегии, которая выиграла морское сражение при Аргинусских островах. Соответственно, он был потом казнен в Афинах в числе этих полководцев-победителей.

Вожжами же крайних олигархов у Фукидида выступают Фриних, Писандр, Антифонт, Аристарх (Thuc. VIII. 90. 1); ниже историк добавляет еще одно имя –

³⁵ По некоторым оценкам, богатейшая Эвбея в V в. до н.э. играла для Афин роль главной «житницы», которая в следующем столетии перешла к региону Боспора Киммерийского (Morgen 2007, 77–143).

³⁶ Surikov 2011, 210–288.

³⁷ С.Г. Карпюк занимался имянаречением в классических Афинах с точки зрения его политической мотивации (Карпюк 2003, 198–253). В целом мы считаем, что он несколько преувеличил значимость этого ономастического фактора и, напротив, недооценил роль семейных традиций. Однако в некоторые конкретные периоды, когда политизация гражданского коллектива достигала большой интенсивности (а у нас речь идет как раз об одном из таких периодов), «идеологические» имена, в принципе, могли встречаться, и здесь перед нами, похоже, именно один из подобных случаев.

Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. 109

Алексикл (Thuc. VIII. 92. 4). Каковы же были главные разногласия между этими двумя крыльями? Мы бы выделили два – одно внутривластического, а другое внешнеполитического характера. С одной стороны, группировка Ферамена постоянно напоминала о том, что режим изменяли под лозунгом перехода власти к Пяти тысячам, в действительности же все полномочия узурпировала коллегия Четырехсот, то есть функционировала крайняя олигархия вместо ожидавшейся умеренной. Сторонники последней «настаивали на том, что следует на деле, а не только на словах установить правление Пяти тысяч и более соблюдать исономию»³⁸ (τὴν πολιτείαν ἰσαίτερον καθιστάναι)» (Thuc. VIII. 89. 2).

Составление списка Пяти тысяч, как казалось умеренным олигархам, затягивалось, и они видели в этом проявление сознательного желания крайних, которые, по их мнению, просто не желали делиться властью. Впрочем, дело было, возможно, и не только в этом. Коллегия Четырехсот создавалась как своего рода «временное правительство», которое должно было, во-первых, создать новый гражданский коллектив и, во-вторых, пока его создание не завершилось, само исполнять властные функции. В периоды, когда конфликтные настроения в гоппитской массе достигали особой остроты, представители Четырехсот обещали гражданам, «что Пять тысяч в скором времени будут непременно назначены и имена их обнародованы (τοὺς τε πεντακισχιλίου ἀποφανεῖν) и затем из их среды будут по очереди избираться (по усмотрению самих Пяти тысяч) Четыреста» (Thuc. VIII. 93. 2).

Имел ли действительно место со стороны крайних олигархов саботаж при работе над списком? Известно, во всяком случае, что список, безусловно, составлялся. Выше мы приводили свидетельство из речи Лисия (там же оговаривалась проблематичность ее авторства, но и указывалось, что вопрос об авторе не принципиален), из которого ясно видно, что работа над ним шла, причем гражданство раздавалось довольно щедро. Известно, далее то, что буквально через несколько дней после того, как прозвучали слова, процитированные в предыдущем абзаце, Пять тысяч взяли власть в свои руки (Thuc. VIII. 97. 1). Значит, было-таки определено, кто должен войти в их число. Может быть, и не следует считать некоторое промедление со списком следствием какой-то злой воли Четырехсот. В конце концов, дело это было действительно нелегким и ответственным, требовало времени (которого, повторим, Четыремстам было отведено очень мало), и спешка тут была неуместна.

Коллизия же внешнеполитического характера заключалась в том, что умеренные олигархи позиционировали себя как патриотов, а крайнему крылу приписывали готовность ради удержания власти идти даже на коллаборационизм со Спартой. На этом фоне разразился известный «этионийский кризис». На Этионии, скалистой косе в северной части пирейской гавани Канфар, по распоряжению Четырехсот было начато возведение нового укрепления (Thuc. VIII. 90. 1), стены которого должны были включить в себя также находившийся на берегу портик, служивший крупнейшим в афинском полисе продовольственным складом (Thuc. VIII. 90. 5). Работы велись пирейскими гоппитами под руководством стратега Алексикла (Thuc. VIII. 92. 4). Умеренные (прежде всего Ферамен) стали высказывать подозрения, что этионийское укрепление создается в действительности не для защиты от внешнего врага или от находившегося в оппозиции афинского

³⁸ Неточность переводчика. У Фукидида нет здесь термина «исономия». См. в скобках формулировку оригинала.

флота, а для того, чтобы с его помощью по договоренности впустить спартанцев в Пирей (Thuc. VIII. 90. 3). Опасения усугублялись тем, что неподалеку курсировала пелопоннесская эскадра из 42 кораблей под командованием спартиата Агесандрида (Thuc. VIII. 92. 3); это давало основания подозревать, что сговор с противниками уже состоялся (Thuc. VIII. 91. 2), тем более что незадолго до того вожди крайних олигархов Фриних и Антифонт посетили Спарту с посольством (Thuc. VIII. 91. 1).

В конце концов гоплиты, ведущие строительство в Пирее, по призыву Аристократа, сторонника Ферамена, самочинно арестовали Алексикла (Thuc. VIII. 92. 4). Для разбора происшествия коллегия Четырехсот направила на его место комиссию, в составе которой был сам Ферамен (Thuc. VIII. 92. 6). Последний, прибыв к Этионии, фактически дал гоплитам санкцию на разрушение укрепления (Thuc. VIII. 92. 10), что и было сделано (Thuc. VIII. 92. 11). На следующий день Алексикл был освобожден пирейцами, однако в целом их поведение оставалось мятежным, и они даже в полном вооружении явились в Афины, готовые дать горожанам бой (Thuc. VIII. 93. 1). Коллегии Четырехсот удалось разрядить напряженность посредством переговоров (Thuc. VIII. 93. 2); урегулирование конфликта было вынесено на очередное заседание экклесии (Thuc. VIII. 93. 3).

Но при самом начале этого мероприятия пришло известие о том, что эскадра Агесандрида находится совсем близко, у Саламина (Thuc. VIII. 94. 1). Отложив собрание, все граждане поспешили в Пирей, дабы защищать порт (Thuc. VIII. 94. 2). Однако Агесандрид не предпринял попытки проникнуть в него, а проследовал к берегам Эвбеи (Thuc. VIII. 95. 1). Для его преследования афиняне отрядили эскадру из 36 кораблей (с плохо обученными экипажами) под командованием стратега Фимохара (Thuc. VIII. 95. 2–3). Состоялось упоминавшееся выше морское сражение при Эретрии, в котором победу одержали пелопоннесцы (Thuc. VIII. 95. 5); сразу после этого почти все эвбейские полисы перешли на сторону Спарты (Thuc. VIII. 95. 7).

В тот момент в Пирее отсутствовали афинские военные корабли (Thuc. VIII. 96. 3), и опасность потерять его (что было бы для Афин губительным) являлась более реальной, чем когда-либо (Thuc. VIII. 96. 4), но спартанцы – далеко не в первый уже раз за время войны – проявили нерешительность и не стали его атаковать (Thuc. VIII. 96. 5). А в Афинах под влиянием происшедшего буквально сразу же состоялось заседание экклесии, низложившее коллегию Четырехсот (Thuc. VIII. 97. 1). В обстоятельствах «этионийского кризиса» и поныне много неясного, прежде всего – имел ли все-таки место сговор крайних олигархов со спартанцами.

Прямых данных в пользу его реальности нет, и сам Фукидид, похоже, в него не слишком-то верит. Рассказав об обвинениях Ферамена с его сторонниками по адресу крайних – в том, что они не передают власть Пяти тысячам и хотят предать город Спарте, – историк далее дает следующий комментарий: «Это были, однако, лишь пустые слова (σχήμα πολιτικὸν τοῦ λόγου), когда они так ревностно хлопотали о правах граждан, на деле же большинство этих людей руководствовались личным честолюбием (κατ' ἰδίαν δὲ φιλοτιμία) и корыстными побуждениями»³⁹ отчего обычно и гибнет олигархический режим, вышедший из

³⁹ В этом месте перевод Стратановского особенно сильно отстает от оригинала, в котором нет ничего ни о «правах граждан» (это выражение вообще не из древнегреческого политического лексикона), ни о «корыстных побуждениях» (говорится только о честолюбии, см. выше в скобках).

демократии (ὀλιγαρχία ἐκ δημοκρατίας γενομένη ἀπόλλυται). Ведь подобные люди с первого же дня установления олигархии не только не желают равенства с прочими, но каждый сам хочет безусловно первенствовать. Напротив, при демократическом строе человек легче переносит неудачу на выборах, потому что не испытывает умаления от равных себе. Решающим мотивом их действий, однако, было могущественное положение Алкивиада на Самосе и уверенность, что олигархия не будет прочной (αὐτοῖς οὐκ ἔδοκει μόνιμον τὸ τῆς ὀλιγαρχίας ἔσσεσθαι). Таким образом, каждый из них стремился после восстановления демократии стать первым представителем народа (πρῶτος προστάτης τοῦ δήμου) в городе» (Thuc. VIII. 89. 3–4).

Итак, для Фукидида непрочна олигархия, выросшая из демократии. Позже Аристотель распространил это суждение на все олигархии вообще: «...Демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри (ἀστασίαστος μᾶλλον), нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом (ἢ τε πρὸς ἀλλήλους στάσις καὶ ἔτι ἢ πρὸς τὸν δῆμον); в демократиях же – только с олигархией; сам против себя народ – и это следует подчеркнуть – бунтовать не станет (Arist. Pol. V. 1302a8–13).

* * *

Итак, пресловутая непрочность олигархических режимов для Стагирита, как и для Фукидида, порождается расколом и внутренними раздорами в среде самих лидеров олигархов. В 411 г. до н.э. именно это и имело место. Создается впечатление, что умеренные в некоторой степени проявляли чрезмерное нетерпение и даже торопливость (если они действительно были искренни, в чем Фукидид сомневается), сетуя на то, что желательные для них перемены не происходят так быстро, как им хотелось бы. А между тем и механизм перехода власти к Пяти тысячам не мог быть реализован моментально, и положение на фронтах не могло наладиться сразу же, особенно учитывая отпадение флота.

Осталось рассмотреть динамику политической эволюции после свержения Четырехсот, а тут перед нами большая загадка. Если установление умеренной олигархии Пяти тысяч в том же 411 г. до н.э. достаточно детально описал Фукидид, то очень многое неясно с событиями 410 г. до н.э., когда была восстановлена полная демократия прежнего образца. Фукидид не довел изложение до этого времени, иначе, несомненно, мы были бы гораздо лучше осведомлены о деталях событий, но продолжатель великого историка Ксенофонт на них совершенно не остановился.

Аристотель в «Афинской политике» только кратко говорит о Пяти тысячах: «Вскоре у этого правительства народ отнял власть (τούτους μὲν οὖν ἀφείλετο τὴν πολιτείαν ὁ δῆμος διὰ τάχους)» (Arist. Ath. pol. 34. 1). Диодор вообще проявляет полную неосведомленность, заявляя: «В это время афиняне уничтожили олигархию Четырехсот и предоставили управление государством гражданам (τὸ σύστημα τῆς πολιτείας ἐκ τῶν πολιτῶν συνεστήσαντο)» (Diod. XIII. 38. 1). Сицилийский автор выражается так, что можно подумать, будто за ликвидацией режима Четырехсот сразу последовало восстановление демократии, а никакой

переходной фазы не было.

Из некоторых косвенных данных, содержащихся у Ксенофонта, все-таки можно сделать некоторые выводы относительно того, как всё происходило. В 410 г. до н.э. в Афины от флота прибыл на время стратег Фрасилл⁴⁰ (Xen. Hell. I. 1. 8). На должность стратега он был избран в предыдущем году не в Афинах, а на Самосе моряками и отличался подчеркнутой приверженностью демократическим убеждениям (Thuc. VIII. 75. 2). Мы предположили в свое время⁴¹, что это он инициировал восстановление демократии или, по крайней мере, сыграл в этом немалую роль. Как раз в это время спартанский царь Агид II, находившийся с гарнизоном в Декее, совершил оттуда вылазку на Афины и подошел к самым городским стенам, но был отбит Фрасиллом (Xen. Hell. I. 1. 33–34), в результате чего авторитет последнего должен был еще сильнее возрасти. В технически-организационном плане новая смена режима, по всей видимости, произошла тоже через заседание экклесии, которая приняла соответствующее постановление.

Таким образом, дела пошли именно так, как в свое время предсказывал Писандр, о чем мы писали выше: афиняне поэкспериментировали с олигархией (как крайней, так и умеренной), убедились в том, что опыт оказался неудовлетворительным, и вернулись к прежнему демократическому устройству. Не удовлетворил же их олигархический режим потому, что перемен к лучшему он не принес – однако напомним: прошло слишком мало времени, чтобы какие-то позитивные эффекты от переворота начали проявляться. Что же касается олигархов, они продемонстрировали полную неспособность к совместным действиям. Их пестрые, разнородные силы объединились лишь на основе «негативного консенсуса» против охлократии и демагогов; воли к единству хватило на то, чтобы прийти к власти, но практически непосредственно затем единство это начало давать трещины. Деятели умеренного крыла олигархического движения вообще были уверены в том, что новый строй не упрочится и вскоре вновь уступит место демократическому, так что они заранее готовили себе «пути к отступлению» (Thuc. VIII. 89. 4). Можно ли было при подобном пессимистическом настрое ожидать каких-то благоприятных перспектив? Парадоксальным образом можно сказать, что олигархи, придя к власти, развязали войну друг против друга, то есть против самих себя; в этой войне они сами себя победили и, соответственно, сами себе проиграли.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Buck, R.J. 1994: *Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C.* Edmonton.
 Ferguson, W.S. 1932: The Condemnation of Antiphon. In: F.E. Adcock et al. (eds.), *Mélanges Gustave Glotz*. Vol. 1. Paris, 349–366.
 Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge.
 Frank, J., Monoson, S.S. 2009: Lived Excellence in Aristotle's *Constitution of Athens*: Why the Encomium of Theramenes Matters. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 243–270.
 Frolov E.D. *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [Greece in the Late Classical Period (Society. Personality. Power)]. St. Petersburg.

⁴⁰ О нем см.: McCoy 1977.

⁴¹ Surikov 2011, 252.

- Фролов, Э.Д. 2001: *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. СПб.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Greenwood, E. 2015: On Translating Thucydides. In: C. Lee, N. Morley (eds.), *A Handbook to the Reception of Thucydides*. Oxford, 91–121.
- ahm, D.E. 2009: The Mixed Constitution in Greek Thought. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxford, 178–198.
- Hansen, M.H. 1974: *The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals*. Odense.
- Hansen, M.H. 2010: The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 50, 499–536.
- Heftner, H. 2001: *Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen*. Frankfurt am Main.
- Kennedy, G.A. 2003: Oratory. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature*. Cambridge, 498–526.
- Karpyuk, S.G. *Obshchestvo, politika i ideologiya klassicheskikh Afin [Society, Politics and Ideology of the Classical Athens]*. Moscow.
- Карпюк, С.Г. 2003: *Общество, политика и идеология классических Афин*. М.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 139–150.
- Lintott, A. 2000: Aristotle and the Mixed Constitution. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 152–166.
- McCoy, W.J. 1977: Thrasyllus. *American Journal of Philology* 98, 264–289.
- Malkin, I., Blok, J. 2024: *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece*. Oxford.
- Marcaccini, C. 2013: Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la *πρόκρισις* e la *patrios politeia*. *Klio* 95/2, 405–428.
- Montanari, F. 2022: *History of Ancient Greek Literature. Vol. 1: The Archaic and Classical Ages*. Berlin; Boston.
- Moreno, A. 2007: *Feeding the Democracy: The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC*. Oxford.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Ostwald, M. 2000: *Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece*. Stuttgart.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104/1, 159–190.
- Seager, R. 1967: Alcibiades and the Charge of Aiming at Tyranny. *Historia* 16/1, 6–18.
- Shear, J.L. 2011: *Polis and Revolution: Responding to Oligarchy in Classical Athens*. Cambridge.
- Simonton, M. 2017: *Classical Greek Oligarchy: A Political History*. Princeton.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Surikov, I.E. 2011: *Anticnaya Gretsija: politiki v kontexte epokhi. Godina mezhdousobitz [Ancient Greece: Politicians in the Context of Epoch. The Time of Intestine Dissention]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2011: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.

- Surikov, I.E. 2022: Afinskie magistraty i ironiya Fukidida [Athenian officials and Thucydides' irony]. In: E.S. Danilov, R.M. Frolov, O.G. Tsybal (eds.), *Tsari. Magistraty. Imperatory: sbornik statey po istorii gosudarstvenno-pravovogo ustroystva i politicheskoy kul'tury drevnikh obshchestv, posvyashchenny jubileyu V.V. Dement'evoy* [Kings. Magistrates. Emperors: A Collection of Articles on the History of State and Legal Systems and Political Culture in Ancient Societies Devoted to V.V. Dementyeva's Anniversary]. Yaroslavl, 45–59.
- Суриков, И.Е. 2022: Афинские магистраты и ирония Фукидида. В кн.: Е.С. Данилов, Р.М. Фролов, О.Г. Цымбал (ред.), *Цари. Магистраты. Императоры: сборник статей по истории государственного устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею В.В. Дементьевой*. Ярославль, 45–59.
- Taylor, M.C. 2002: Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *Journal of Hellenic Studies* 122, 91–108.
- Usher, S. 2007: Lysias and his Clients. In: E. Carawan (ed.), *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxford, 27–36.
- Vlastos, G. 1991: *Socrates, Ironist and Moral Philosopher*. Ithaca.
- Waterfield, R. 2012: Xenophon on Socrates' Trial and Death. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden; Boston, 269–305.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT OF LATE
5th CENTURY BC. III. THE OLIGARCHS START AND LOSE...
TO THEMSELVES (THE EVENTS OF 411–410 BC)

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-00024

This study continues a series of articles dealing with antidemocratic coups d'état in Athens in the end of the 5th century BC and their historical significance. The following problems are considered: principal pieces of evidence on the oligarchic regime of 411 BC and their comparative value; the essence of the oligarchs' plans and Alcibiades' place in them; easiness of the establishment of the oligarchy of Four Hundred and easiness of its fall; dynamics of the political evolution during the transitional period (411–410 BC). Notice is taken of the absence of unity in milieu of the antagonists of radical democracy, which weakened their camp.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, Thucydides, Alcibiades